

Белые ночи — эпизод 22 из 23

Я я не люблю его, потому что я могу любить только то, что великодушно, что понимает меня, что благородно; потому что я сама такова, и он недостойн меня, ну, бог с ним! Он лучше сделал, чем когда бы я потом обманулась в своих ожиданиях и узнала, кто он таков... Ну, конечно! Но почему знать, добрый друг мой, продолжала она, пожимая мне руку, почему знать, может быть, и вся любовь моя была обман чувств, воображения, может быть, началась она шалостью, пустяками, оттого, что я была под надзором у бабушки? Может быть, я должна любить другого, а не его, не такого человека, другого, который пожалел бы меня и, и... Ну, оставим, оставим это, перебила Настенька, задыхаясь от волнения, я вам только хотела сказать... я вам хотела сказать, что если, несмотря на то что я люблю его (нет, любила его), если, несмотря на то, вы еще скажете... если вы чувствуете, что ваша любовь так велика, что может наконец вытеснить из Моего сердца прежнюю... если вы захотите сжалиться надо мною, если вы не захотите меня оставить одну в моей судьбе, без утешения, без надежды, если вы захотите любить меня всегда, как теперь меня любите, то клянусь, что благодарность... что любовь моя будет наконец достойна вашей любви... Возьмете ли вы теперь мою руку? Настенька, закричал я, задыхаясь от рыданий, Настенька!.. О Настенька!.. Ну, довольно, довольно! ну, теперь совершенно довольно! заговорила она, едва пересиливая себя, ну, теперь уже всё сказано; не правда ли? так? Ну, и вы счастливы, и я счастлива; ни слова же об этом больше; подождите; пощадите меня... Говорите о чем-нибудь другом, ради бога!..

Да, Настенька, да! довольно об этом, теперь я счастлив, я... Ну, Настенька, ну, заговорим о другом, поскорее, поскорее заговорим; да! я готов...

И мы не знали, что говорить, мы смеялись, мы плакали, мы говорили тысячи слов без связи и мысли; мы то ходили по тротуару, то вдруг возвращались назад и пускались переходить через улицу; потом останавливались и опять переходили на набережную; мы были как дети...

Я теперь живу один, Настенька, заговорил я, а завтра... Ну, конечно, я, знаете, Настенька, беден, у меня всего тысяча двести, но это ничего...

Разумеется, нет, а у бабушки пенсия; так она нас не стеснит. Нужно взять бабушку.

Конечно, нужно взять бабушку... Только вот Матрена...

Ах, да и у нас тоже Фекла!

Матрена добрая, только один недостаток: у ней нет воображения, Настенька, совершенно никакого воображения; но это ничего!..

Всё равно; они обе могут быть вместе; только вы завтра к нам переезжайте. Как это? к вам! Хорошо, я готов...

Да, вы наймите у нас. У нас там, наверху, мезонин; он пустой; жилища была, старушка, дворянка, она съехала, и бабушка, я знаю, хочет молодого человека пустить; я говорю: Зачем же молодого человека? А она говорит: Да так, я уже стара, а только ты не подумай, Настенька, что я за него тебя хочу замуж сосватать. Я и догадалась, что это для того...

Ах, Настенька!..

И оба мы засмеялись.

Ну, полноте же, полноте. А где же вы живете? я и забыла.

Там, у ского моста, в доме Баранникова.

Это такой большой дом?

Да, такой большой дом.

Ах, знаю, хороший дом; только вы, знаете, бросьте его и переезжайте к нам поскорее...

Завтра же, Настенька, завтра же; я там немножко должен за квартиру, да это ничего... Я получу скоро жалованье...

А знаете, я, может быть, буду уроки давать; сама выучусь и буду давать уроки...

Ну вот и прекрасно... а я скоро награждение получу, Настенька...

Так вот вы завтра и будете мой жилец...

Да, и мы поедem в Севильского цирюльника, потому что его теперь опять дадут скоро.

Да, поедem, сказала смеясь Настенька, нет, лучше мы будем слушать не Цирюльника, а что-нибудь другое...

Ну хорошо, что-нибудь другое; конечно, это будет лучше, а то я не подумал...

Говоря это, мы ходили оба как будто в чаду, в тумане, как будто сами не знали, что с нами делается. То останавливались и долго разговаривали на одном месте, то опять пускались ходить и заходили бог знает куда, и опять смех, опять слезы...